
Ной Каллен
ЧАСТОТА
1340
18+

Ной Каллен
ЧАСТОТА 1340

https://litres.ru/74874267
SelfPub; 2026

Аннотация

Милтон-Крик, штат Мэн, 1993 год. Ночной диджей Рэй Толлман одиннадцать лет ведёт эфир на умирающей радиостанции, частота 1340 килогерц. В 3:07 динамики внезапно замолкают, и из шороха всплывает голос соседки, миссис Долан. Обычные слова. А потом звук, который Рэй не забудет. Днём всё повторяется слово в слово.

Следующей ночью в эфире звучит голос другого жителя города. Плёнка ничего не записывает, а Рэй уже знает, что будет дальше. Вместе с двенадцатилетней дочерью Мэйзи, пожилой помощницей шерифа и глухим стариком, который тридцать шесть лет прячется от мачты на Кроу-Хилл, он выясняет: то, что живёт под холмом, не предсказывает судьбу. Оно её пишет. Тот, кто услышал свою последнюю фразу, обязательно её произнесёт.

У них две ночи. И цена может оказаться выше, чем они готовы заплатить.

Хоррор о том, как страшно услышать собственный голос. И как страшно перестать слышать

Содержание

Глава 1. Смена с одиннадцати до шести 5
Глава 2. Миссис Долан 15
Глава 3. Лента 26
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Ной Каллен
ЧАСТОТА 1340

МАРК ВЕЙЛ
ЧАСТОТА 1340
Оно слушает вас в 3:07
Роман

Глава 1. Смена с одиннадцати до шести

В городке Милтон-Крик, штат Мэн, радиостанция WMLT вела вещание на частоте 1340 килогерц и умирала так тихо и так давно, что большинство жителей этого факта не замечало. Так иногда умирает старый пёс на крыльце: все привыкли, что он лежит, и только сосед, приехавший погостить, спрашивает: «Слушайте, а он, часом, не того?»

Рэй Толлман замечал. Он работал там одиннадцать лет, из них шесть ночным диджеем, и каждую осень ему казалось, что станция сдала ещё чуть-чуть. Потёрся ковёр в коридоре. Перегорела вторая лампа над микшерным пультом, а менять её никто не стал, потому что новая стоила одиннадцать долларов, а у станции было ровно восемь. Из потолка студии сочилась ржавая вода, и её приходилось ловить в красное пластиковое ведро, которое Рэй про себя звал Старым Верным.

Была пятница, 29 октября 1993 года. За окном студии, переоборудованной из бывшей конторы кормового магазина, шёл мелкий дождь пополам со снегом, и в этом дожде, на холме за городом, мигал красный огонь на верхушке мачты. Рэй видел его каждую ночь, сидя за стеклом. Раз в две секунды. Вспыхнет, погаснет. Вспыхнет, погаснет. Как будто кто-то очень терпеливый стучит в окно и не собирается уходить.

Мачта стояла на Кроу-Хилл, и была, по слухам, самой высокой штукой между Бангором и канадской границей. Двести тридцать футов ржавого железа, затянутого тросами. Дети в Милтон-Крик с малых лет знали, что залезать на неё нельзя, и, как положено детям, лазили на неё не реже раза в год. Двоих сняли оттуда пожарные. Один раз пришлось снимать их вместе с кошкой.

— Пап, — сказал голос из угла студии, — ты опять разговариваешь с ведром.

Рэй обернулся.

* * *

Мэйзи было двенадцать. Она сидела на раскладушке в углу, подогнув ноги, закутанная в его старую куртку с эмблемой «Ред Сокс», такую большую, что рукава свисали ниже пальцев. На коленях у неё лежал учебник по общественным наукам, на ушах громоздились наушники от плеера, и вид у неё был слегка презрительный, какой бывает только у двенадцатилетних девочек и у кошек.

— Я не разговариваю, — сказал Рэй. — Я его утешаю.

— Ты говорил «держись, старина».

— Это называется «профессиональная поддержка».

— Это называется «ты слишком много работаешь», — сказала Мэйзи и вернулась к учебнику.

По пятницам она оставалась у него. Дана, бывшая жена, уезжала на какую-то конференцию по обучению учителей в Портленд и оставила дочь с условием: никаких сладостей по-

сле десяти, никакой музыки в наушниках громче половины и никакого, Рэй, слышишь, никакого пива в ящике стола. На последний пункт Рэй не обиделся. Три года и два месяца трезвости не вычёркиваются одним запретом, но и не доказываются одним словом. Он просто кивнул, как кивал всегда, и вечером выкинул из ящика старую зажигалку, потому что она напомнила ему о чём-то нехорошем.

Он любил эти ночи. Признаться в этом вслух он бы не смог даже под пыткой. Но то, что дочь сидит в углу студии, листает книжку, фыркает на его шутки и время от времени подаёт пластиковую чашку с растворимым какао, делало дождь за окном и красный огонь на холме совсем не страшными.

Он поправил наушники, приблизил к губам микрофон «Шур» с вмятиной на сетке и нажал клавишу.

— Вы слушаете «Ночной Мэн» с Рэем Толлманом, — сказал он тем голосом, который за годы стал его вторым лицом: тёплым, ленивым, чуть охрипшим, как у человека, который всю жизнь знал, что у него есть все ответы, просто сегодня они куда-то подевались. — Сейчас два часа сорок минут, на дворе мокро, в дороге никого, и если вы всё ещё не спите, значит, у вас на то есть причины. Я не стану спрашивать какие. Просто знайте: я здесь, и у меня есть Пэтси Клайн.

Он пустил «Crazy». Откинулся на кресле. И почувствовал, как от потолка, по спине, прошёл тот самый холодок, который бывает, когда кто-то на тебя смотрит.

Рэй поднял голову. Конечно, там никого не было. Только пятно сырости, похожее на карту какой-то нелепой страны, и тонкая серая лента воды, ползущая к ведру.

— Дождь, — сказал он себе.

Он знал, что врёт. Но так было удобнее.

* * *

На самом деле, тревожить его начало с самой осени.

Сначала он думал, что дело в усталости. Потом в трезвости: говорят, что на третьем году у бывших пьяниц случаются странные периоды, когда мир как будто выкручивает на другую частоту. Сам он не пил ни капли, но всё равно иногда по утрам вставал с чувством, что ночью с ним что-то сделали, пока он спал. Не больно, не страшно. Просто что-то подкрутили.

Потом он стал замечать мелочи.

Во-первых, радио. В его кухне стоял старый «Панасоник», подарок Даны на какой-то давний день рождения. Рэй включал его каждое утро ради новостей. И вот на прошлой неделе он обнаружил, что приёмник стоит на частоте 1340. Он на ней никогда не стоял. Станцию свою Рэй слушал только на работе, а дома, как повар, который не ест собственной стряпни, переключался на Бангор.

Во-вторых, собаки. Весь Милтон-Крик в последние две недели ходил с побитыми нервами, и началось это именно с собак. Старик Харвуд говорил, что его гончая каждую ночь в три часа встаёт посреди двора и скулит, глядя на холм. Мис-

сис Долан, соседка Рэя, жаловалась, что её пудель Бонни перестал есть. А в среду мальчишка из магазина «Билл и сыновья» нашёл на задворках пять мёртвых ворон. Лежали они ровно, в ряд, головами в сторону Кроу-Хилл, как будто хотели что-то услышать и не успели.

Рэй никому об этом не говорил. Говорить было нечего. Мало ли что бывает осенью.

* * *

К трём часам дождь затих, и Мэйзи заснула, свернувшись на раскладушке клубком. Наушники сползли ей на шею, книжка упала на пол. Рэй вытащил из-под стола старое одеяло и накрыл её, стараясь не скрипеть стулом. Она что-то пробормотала, не просыпаясь, и перевернулась на бок.

Он постоял над ней минуту. Потом вернулся к пульту.

По четвергам и пятницам, начиная с трёх, станция уходила на автомат: двадцать пять минут записанной музыки, диск за диском, и только в три тридцать Рэй снова садился в эфир, чтобы прочитать сводку погоды и объявить конкурс «Угадай, откуда песня», на который никто не звонил. Эти двадцать пять минут он называл своей «ночной сиестой». Варил кофе. Читал Спенсера. Иногда выходил на крыльцо покурить, хотя курить давно бросил и стоял просто так, дышал мокрым воздухом.

Но сегодня он остался на месте.

Он не знал почему. Просто чувствовал: что-то не так, и чем дольше сидел, тем сильнее нарастало ощущение, что

что-то сейчас начнётся. Так бывает перед грозой. Воздух становится густым, как кисель, волосы на руках поднимаются, и слышишь, как в висках стучит собственная кровь.

Он поглядел на часы над дверью. Три ноль шесть.

На холме, в окне, мигал красный огонь.

Вспыхнул. Погас.

Вспыхнул.

Три ноль семь.

* * *

Динамики студии, которые стояли на полке над его головой и тихо играли что-то из Нэта Кинга Коула, вдруг умолкли. Умолкли разом, как будто кто-то перерезал провод ножницами.

Рэй глянул на пульт. Стрелки на индикаторах уровня лежали на нуле. Передатчик работал: зелёная лампочка «On Air» горела ровно и ярко. Но в эфир ничего не шло. Тишина. Мёртвый эфир, то, чего диджей боится больше всего на свете, потому что в мёртвом эфире ты слышишь только собственное дыхание, а за ним, если прислушаться, ещё что-то.

— Чёрт, — сказал он тихо. — Ну только этого не хватало.

Он потянулся к тумблеру резервного канала. И тут из динамика донёсся звук.

Это было похоже на шорох. На шелест страницы, которую кто-то медленно переворачивает в соседней комнате. Потом шорох перешёл в потрескивание, потом в какое-то влажное чавканье, будто кто-то шагал по мокрой траве. И наконец, из

этой мешанины, словно из глубокой воды, всплыл человеческий голос.

Женский. Старческий. Совсем близкий, так близкий, как будто говоривший стоял прямо за его правым плечом.

«…нет, только до перекрёстка, Бонни, пожалуйста, я же сказала, только до перекрёстка, ну что ты…»

Рэй замер. Рука его висела над тумблером.

Голос продолжал. Он дрожал, как свеча на сквозняке, но не от страха. От какой-то отчаянной, будничной раздражённости, с которой пожилые люди разговаривают с упрямыми собаками.

«…ах ты, глупый… стой, говорю, стой, куда ты, это же чужой двор… господи, да что там такое, что это за…»

Пауза. Короткая, на вдох.

А потом звук, которого Рэй не забыл бы до конца жизни, хотя в тот миг не понимал, что именно слышит. Громкий, влажный, как будто рвали пополам мокрый картон. Или тяжёлую ткань. Или что-то более живое, чем картон и ткань.

После этого — ничего. Лишь слабое потрескивание, и ещё какой-то еле слышный звук, будто далеко-далеко, на краю слуха, кто-то тихо, довольно вздохнул.

Всё кончилось.

В динамиках снова заиграл Нэт Кинг Коул. Тёплый, бархатный, с оркестром. «Unforgettable». Рэй сидел, не двигаясь. По спине стекал пот, хотя в студии было холодно, а изо рта у него при дыхании шёл лёгкий пар.

Он посмотрел на часы.

Три ноль восемь.

* * *

Первой его мыслью было: запись. Какой-то шутник пустил в эфир запись. Подключился к линии, подкинул плёнку на нужной частоте. В Милтон-Крик, как в любом городке, хватало шутников, особенно среди детей, любивших ночные радиоподвиги.

Вторая мысль была хуже. Она пришла медленно, как ржавая вода по потолку: он знал этот голос.

Не по словам. Слова были случайные. По интонации. По той особенной, слегка капризной растяжке гласных, с которой Мюриэл Долан каждый вечер звала на крыльцо своего пуделя: «Бонни-и-и, домо-о-ой». Мюриэл Долан, семидесяти трёх лет, вдова, жившая в соседнем с ним доме на Элмстрит и несколько раз в год приносившая ему яблочный пирог, потому что, как она выражалась, «одинокому мужчине без пирога нельзя».

— Пап?

Рэй вздрогнул так, что кресло скрипнуло.

Мэйзи сидела на раскладушке. Одеяло сползло, наушники лежали рядом. Лицо в полутьме казалось очень бледным, а глаза блестели, как два мокрых камешка. Она не спала. Он не знал, как давно.

— Пап, — повторила она тихо. — Кто это был?

— Что?

— Эта тётя, — сказала Мэйзи. — Которая говорила про собаку. Что с ней случилось?

Рэй открыл рот. Закрыл.

Он хотел сказать: «Это запись, милая». Хотел сказать: «Тебе приснилось». Хотел сказать, как говорят все отцы в мире, что всё хорошо, спи. Но Мэйзи смотрела не на него. Она смотрела на динамик над его головой, и лицо у неё было такое, какого он не видел никогда: она слушала. Что-то, чего не слышал больше никто.

— Мэйзи, — сказал он. — Что ты слышишь?

Она подняла палец к губам.

Тишина. Нэт Кинг Коул допевал последнюю строчку. Где-то в стене щёлкнул старый радиатор. Далеко на холме, в черноте за окном, мигал красный огонь.

— Он больше не мигает, — сказала Мэйзи.

Рэй повернул голову.

Она была права. Красный огонь на вершине Кроу-Хилл горел ровно. Не мигал. Просто светился в темноте, большой и неподвижный, как глаз, который долго притворялся закрытым и вдруг открылся.

И где-то в глубине Рэя Толлмана, ниже страха, ниже здравого смысла, ниже трёх лет трезвости и одиннадцати лет работы за этим пультом, что-то тихо повернулось. Как ключ в замке, который давно не открывали.

— Мэйзи, — сказал он очень спокойно. — Надевай куртку. Мы едем домой.

— А ты сказал, что смена до шести?

— Я соврал.

Он выключил свет. Старое красное ведро, Старый Верный, страж потолка, звякнуло от упавшей капли, и этот звук в темноте показался ему оглушительно громким.

Они вышли в дождь.

Глава 2. Миссис Долан

Дом Рэя стоял на Элм-стрит, девятнадцать, и был из тех домов, которые выглядят так, будто в нём живёт семья, а на самом деле в нём живёт один человек и его привычки. Двухэтажный, с белыми ставнями, которые Дана когда-то выбирала полдня, и с крыльцом, на котором всё ещё стояли два кресла-качалки, хотя сидел в них теперь только один.

Домой они вернулись в начале четвёртого. Мэйзи без слова поднялась наверх, в комнату, которую он называл «гостевой», а она называла «моей», и закрыла дверь. Рэй постоял в коридоре, прислушиваясь. Из-за двери не доносилось ни плача, ни шороха. Только скрип пружин: легла.

Он прошёл на кухню и, не включая света, сел за стол.

Часы на плите показывали 3:41. Рядом стоял старый «Панасоник». Рэй смотрел на него долго, потом протянул руку и выдернул шнур из розетки. Положил шнур на стол. Подумал и убрал приёмник в нижний шкаф, под раковину, между ведром для мусора и банкой с чем-то вроде засохшей краски. Закрыл дверцу. Подпёр её стулом.

Потом сидел так, пока в окне не посерело.

* * *

В половине восьмого он увидел Мюриэл Долан.

Она вышла на своё крыльцо в голубом халате, с мокрой после дождя газетой «Бангор Дейли Ньюс» под мышкой, и

двинулась вдоль забора, поправляя на ходу бигуди. На поводке за ней семенила Бонни, маленькая кудрявая пуделиха цвета жжёного сахара, с такой самоуверенной мордочкой, будто это она вывела хозяйку на прогулку, а не наоборот.

Всё было нормально. Всё было так, как каждое утро последние восемь лет. Рэй стоял у окна, смотрел, как соседка нагибается за газетой, как пудель обнюхивает куст, и в нём, помимо воли, поднималось облегчение, тёплое, глупое, почти радостное. Жива. Ходит. Смешная, в бигуди. Ни разу не похожа на запись, которая вчера говорила его мозгу чужим голосом.

«Значит, шутка, — подумал он. — Значит, какой-то подонок с магнитофоном. Угадал голос, подделал, дал в эфир. Я устал. Я напуган. Всё».

Он почти поверил.

Но, выходя на крыльцо с кружкой кофе, он вдруг заметил то, чего не увидел сразу. Бонни вела себя странно. Она не рвалась с поводка, как обычно, не лаяла на белок и не тянула хозяйку к кустам. Она шла рядом, прижав уши, глядя не на дорогу, а куда-то вверх, на холм. И когда ветер дунул оттуда, пуделиха коротко, тоскливо заскулила.

— Доброе утро, Рэй! — крикнула миссис Долан. — Видела вашу Мэйзи вчера вечером из окна. Выросла-то как!

— Мюриэл, — сказал он. — Можно вас на минутку?

* * *

Он не придумал, как это сказать. Это была самая трудная

речь в его жизни, а он, между прочим, зарабатывал на хлеб речами. Но когда слова настоящие, а не из студийного репертуара, они выходят неловкими, как чужая обувь.

— Мне будет, наверное, странно звучать, — сказал он, подойдя к забору. — Но я хотел попросить вас сегодня не выходить из дома. Совсем. Ни за хлебом, ни с собакой. Если нужно, я схожу, куплю что надо. Просто… побудьте дома.

Миссис Долан несколько секунд смотрела на него. Улыбка медленно сходила с её лица.

— Рэй, милый, — сказала она мягко, и по тому, как она понизила голос, он сразу понял, что она подумала. — Ты ничего не… ты хорошо себя чувствуешь?

— Я не пил, Мюриэл.

— Я не говорила, что пил.

— Вы подумали.

Она отвела глаза. Это было хуже, чем любой ответ.

— Я просто беспокоюсь, — сказала она. — Столько лет прошло, а такие вещи, они ведь возвращаются, ты знаешь, мой Фрэнк, бывало…

— Мюриэл. Пожалуйста.

— Да не пил он, — раздался сзади голос.

Рэй обернулся. На крыльце стояла Мэйзи, заспанная, в той же куртке «Ред Сокс», с растрёпанными волосами. Лицо у неё было серьёзное и совсем не детское.

— Он не пил, миссис Долан, — повторила она. — Он просто очень просит вас остаться дома. Хотя бы на сегодня. По-

жалуйста.

Миссис Долан переводила взгляд с отца на дочь, и в её глазах мелькнуло то самое выражение, которое бывает у людей, когда они не понимают, шутят с ними или нет. Потом она тихо засмеялась, махнула рукой и сказала:

— Ну ладно. Раз уж вы оба просите. У меня сегодня и так планов нет, только суп. Но завтра я приду к вам с пирогом, и вы расскажете, в чём дело.

— Договорились, — сказал Рэй.

Он пожал ей руку через забор. Рука была тёплая, сухая, с лёгкой дрожью. Живая.

Он не отпускал её дольше, чем было прилично.

* * *

День тянулся, как мокрая нитка.

Рэй сделал яичницу. Мэйзи съела половину, потом отодвинула тарелку и сказала:

— Пап, ты же знаешь, что я слышала.

— Что ты слышала?

— То же, что и ты. Но не в динамике.

Он положил вилку.

— Где?

— В голове, — сказала она просто. — Как будто кто-то шепчет в самое ухо. Ты что-то говорил по радио, про Пэтси Клайн, а я слушала. И вдруг вместо тебя заговорила тётя. И я поняла, что с ней что-то случится.

— Ты не должна была слышать этого, — сказал Рэй.

— Но я слышала.

Он встал, подошёл к окну. Дом миссис Долан стоял тихий, шторы на нижнем этаже были задёрнуты. Из трубы шёл дым. Суп, подумал Рэй. У неё суп.

— Мэйзи, — сказал он, не оборачиваясь. — Я хочу, чтобы ты знала. Если ты услышишь что-нибудь такое снова, что угодно, голос, шёпот, музыку, которой нет, ты сразу идёшь ко мне. Ты поняла?

— Да.

— Не прячь. Не думай, что сходишь с ума. Не думай, что я рассержусь.

— А ты не рассердишься?

— Нет.

— И не скажешь маме?

Он замялся.

— Скажу, если придётся, — признался он. — Но не потому, что рассердился.

Мэйзи кивнула. Подбородок у неё дрогнул, но она сдержалась. Он подумал, что это от Даны, эта манера держать лицо, когда внутри всё ходит ходуном.

* * *

В три часа тринадцать минут Рэй сидел в гостиной и смотрел в телевизор, где шёл бейсбол, хотя сезон давно закончился и это были какие-то повторы чемпионата 1986-го. Звук был выключен. Мэйзи лежала на диване, положив голову ему на колено. Они не разговаривали.

В три сорок одну он встал и подошёл к окну проверить дом напротив.

В четыре ноль семь из соседнего двора донёсся звук.

Это был скрип. Тихий, сухой, знакомый: скрип пружины на дверце для собаки. Рэй знал этот звук, потому что слышал его восемь лет, и не сразу сообразил, почему сердце у него провалилось вниз.

— Нет, — сказал он вслух.

Он подскочил к окну. На крыльце дома миссис Долан, на мокрых досках, не было никого. Но из дверцы, прорезанной внизу, в клубке серой шерсти и недоумения, выкатилась Бонни. Она не гавкала. Не оглядывалась. Бежала по двору, прижав уши, мелкими резкими прыжками, как будто убегала от кого-то и одновременно за кем-то.

Она добежала до забора, протиснулась в щель между досками и исчезла.

— Папа? — сказала Мэйзи.

— Сиди.

Он выскочил на крыльцо.

Через минуту дверь дома Долан распахнулась, и миссис Долан появилась на пороге. Халат на ней был тот же, голубой. Волосы выбились из-под сетки. Лицо — раздражённое, сердитое, по-домашнему живое.

— Бонни! — крикнула она. — Бонни-и-и, домо-о-ой!

Рэй побежал.

Он преодолел расстояние до её забора за три секунды, но

ему показалось, что за три часа. Он видел, как она сходит с крыльца, одной рукой придерживая халат, другой шаря в кармане в поисках печенья. Видел, как поворачивает к калитке. Слышал, как скрипит под её тапочками мокрый гравий.

— Мюриэл! Остановитесь! Мюриэл!

— Рэй, милый, не мешай, она же сбежит, — сказала миссис Долан, не оборачиваясь. — Только до перекрёстка. Я её поймаю. Только до перекрёстка…

Эти слова ударили его как кулаком.

«…нет, только до перекрёстка, Бонни, пожалуйста, я же сказала…»

Он остановился посреди дороги. Всё вокруг стало очень чётким и очень медленным. Он видел каждую каплю на листьях клёна, каждую трещину на асфальте. Он слышал, как в доме напротив кто-то включил воду. И он понимал, всей кожей понимал, что голос, который он слышал ночью по радио, не был записью. Это была не запись. Это была репетиция.

— Мюриэл! — закричал он снова. — Стойте!

Она его уже не слушала. Она дошла до перекрёстка Элм и Каттер-лейн, повернула налево и вошла в соседний двор, к Хендерсонам, у которых в тот день как раз вывозили садовый мусор после дождя. Эд Хендерсон, лысый, вечно потный человек в рабочем комбинезоне, стоял посреди лужайки и кормил в раструб измельчителя охапку мокрых веток. Машина ревела, как раненый бык. Она орала так громко, что

человек на лужайке не слышал ничего другого.

Бонни сидела у самой горловины, шагах в трёх, и, приплюснув уши, смотрела на хозяйку.

— Ах ты глупая, стой! — выдохнула миссис Долан. — Стой, говорю, стой, куда ты… это же чужой двор…

Она шагнула вперёд, нагнулась, чтобы подхватить собаку.

— …господи, да что там такое, что это за…

Рукав её голубого халата был достаточно широким. Рэй в этот момент уже бежал, и слышал, как она это сказала, и знал, что сказать этого нельзя, что это последние слова, что дальше…

Звук был именно такой. Влажный. Громкий. Как будто рвали пополам мокрый картон.

Эд Хендерсон обернулся.

Дальше Рэй запомнил очень мало. Помнил, что кричал. Помнил, как Эд стоял с поднятыми руками и открытым ртом, а потом дёрнул рубильник, и машина умерла с долгим стоном. Помнил, что стало вдруг очень тихо. И в этой тишине, прямо посреди залитого мокрым светом двора, на лужайке, лежали голубая тапка и капли, которые он старался не разглядывать.

А Бонни сидела рядом и, сияя, виляла хвостом.

* * *

Мэйзи этого не видела. Она осталась на крыльце, и когда он вернулся, дрожащий, бледный, весь в грязи, просто молча открыла перед ним дверь. Он прошёл мимо неё в ванную и

долго стоял над раковиной, не включая воду.

Потом приехали люди. Шериф Дэвис прислал свою помощницу, Лоретту Бишоп. Ей было пятьдесят восемь, и семь лет она прослужила в должности, на которую никто другой в городе не позарился бы, потому что платили за неё как за бармена на полставки. Лоретта была женщиной крепкой, невысокой, с седеющим пучком и лицом, как у школьной учительницы, которая видела всё и всё равно не разучилась смотреть в глаза.

Она сидела на кухне Рэя, держала в руках кружку с остывшим кофе и слушала его, не перебивая, ни слова не записывая.

— Значит, ты говоришь, — сказала она наконец, — что слышал по радио голос Мюриэл. В три часа ночи.

— В три ноль семь.

— Сказавший то, что она потом сказала сегодня.

— Слово в слово.

— Рэй. — Лоретта поставила кружку. — Ты три года не пьёшь. Я за тебя горжусь. Я говорю это не просто так. Но у тебя сейчас шок, и ты видел, как погибла твоя соседка, и мозг у человека в таких случаях…

— Я не придумываю, Лоретта.

— Я не говорю, что придумываешь. Я говорю, что человек в стрессе иногда запоминает то, чего не было. Он смотрит на событие и задним числом подгоняет под него прошлое. Это в учебниках написано.

— А если я докажу?

Она замолчала.

— У меня есть запись, — сказал Рэй. — Станция пишет эфир на ленту. Постоянно. Это требование комиссии. Всё, что выходит в эфир, всё уходит на катушки. Там должно быть.

Лоретта долго смотрела на него.

— И что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Приехали со мной на станцию. Сейчас. Мы послушаем.

— Рэй…

— Пожалуйста.

Из гостиной донёсся голос Мэйзи, тихий и неожиданно спокойный:

— Миссис Бишоп, пожалуйста, поезжайте.

Лоретта повернулась. Девочка стояла в дверях кухни, обхватив себя руками. Лицо у неё было белое, но спокойное.

— Я тоже слышала, — сказала она. — Не только он. Я слышала ещё до того, как она вышла из дома.

Лоретта поднялась, взяла со спинки стула свою куртку и надела.

— Ладно, — сказала она. — Только давайте быстро, пока я не передумала. И, Рэй…

— Да?

— Если там ничего нет, я забуду, что вы говорили. А ты сходишь к доктору Линдгрену. Договорились?

— Договорились.

Он знал, что на ленте ничего не будет. Он понял это ещё в машине, когда они ехали вверх по Каттер-лейн, мимо мокрых полей и чёрных заборов, и красный огонь на холме смотрел на них сверху, ровный, неподвижный. Как человек, который знает, чем кончится разговор, и ждёт, пока остальные дойдут до этого сами.

Но он всё равно поехал. Потому что за этой дверью было нечто хуже, чем отсутствие улик: за ней была вторая ночь.

И в третьем часу, в три ноль семь, эфир опять заговорит.

Глава 3. Лента

Студийный магнитофон «Ампекс» стоял в аппаратной за стеклом, в железном шкафу, который Рэй называл Архивом, хотя больше всего он напоминал холодильник, в который забыли положить еду. Две огромные катушки на нём крутились вечно, с шелестом, похожим на дыхание большого и очень уставшего зверя. Они записывали всё. Каждую песню, каждый рекламный ролик «Автозапчастей Билла», каждую зевоту Рэя, пока та не успевала превратиться в слово. Комиссия по связи требовала хранить записи двадцать восемь дней, и в Милтон-Крик, как в большинстве городков, где владелец станции был жаден, а контролёры ленивы, это правило выполнялось с педантизмом человека, который боится, что ему когда-нибудь понадобится оправдаться.

Они приехали на станцию в начале седьмого, когда окончательно стемнело. Лоретта шла впереди, по-хозяйски распахнув дверь, так, как ходят только копы и учителя, привыкшие, что двери перед ними открываются сами. Рэй вёл следом Мэйзи. Но у порога Лоретта остановилась.

— Девочка не пойдёт, — сказала она.

— Миссис Бишоп, — начала Мэйзи.

— Не пойдёт. Ты, милая, едешь ко мне домой. У меня муж, Уолт, на пенсии, готовит пирог с яблоками и смотрит дурацкие викторины. Он будет рад, а ты поспишь в комнате

для гостей. А мы с твоим отцом проведём тут пару часов и приедем, как только поймём, что к чему.

— Я не…

— Мэйзи, — тихо сказал Рэй.

Она посмотрела на него. Потом на Лоретту. Потом на мачту на холме, красный огонь которой вспыхнул в тёмном окне и не погас.

— Ладно, — сказала она. — Но если что-то случится, вы мне позвоните.

— Позвоним.

— Нет, — сказала Мэйзи. — Это не просьба. Позвоните.

* * *

Они отвезли её, вернулись, и в начале десятого Лоретта сидела в кресле Рэя за пультом, положив на колени потёртую кожаную сумку, в которой, как он знал, лежало не только удостоверение, но и «Смит-энд-Вессон» тридцать восьмого калибра. Она слушала.

Он поставил на воспроизведение катушку за ночь с пятницы на субботу, быстро перемотал на тот час, и теперь над ними, из студийных динамиков, лилась музыка. Нэт Кинг Коул пел «Unforgettable». Потом сменился другой песней. Потом третьей.

Лоретта смотрела на счётчик. Три ноль шесть. Три ноль семь. Три ноль восемь.

Музыка шла ровно. Без пауз. Без шорохов. Без старухи, зовущей пуделя к перекрёстку.

— Рэй, — сказала Лоретта.

— Я знаю.

— Здесь ничего нет.

— Я знаю.

— Может, лента сбилась?

— Не сбилась. Я сам проверял на счётчике, сейчас проверю ещё раз. Но нет. Они не оставляют следов. Что бы это ни было, оно не оставляет записей.

Она встала, прошлась по студии, остановилась у окна. Красный огонь за стеклом горел, не мигая. Рэй ещё утром обратил внимание, что мигание не возобновилось, и подумал, что надо бы позвонить в Федеральное управление гражданской авиации, потому что мачта без сигнального огня это нарушение, и, значит, им придётся что-то делать. Но звонить не стал. Некоторые вещи лучше оставлять в покое.

— Знаешь, что я думаю? — сказала Лоретта, не оборачиваясь.

— Что я с ума сошёл.

— Я думаю, ты, возможно, говоришь правду. И это мне нравится ещё меньше.

Она повернулась. Лицо у неё было усталое, с глубокими складками вокруг губ.

— Я всю жизнь живу в этом городе, — сказала она. — И за тридцать четыре года службы я видела всякое. Видела, как мальчишка утонул в замёрзшем пруду, и все говорили, что лёд его не выдержит, а он всё равно полез. Видела, как

у Бранденбургов сгорел дом, потому что никто не вынул из розетки старый тостер. Видела людей, которые убивали друг друга из-за межи, из-за собаки, из-за какого-то сена. И знаешь, чему я научилась?

— Чему?

— Тому, что в таких случаях лучше сначала поверить, а потом разбираться. Потому что если сначала разбираешься, то обычно не успеваешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.